



Старший преподаватель Лев Борисович Фениксов подозрительно относился к аудитории, перед которой выступал с курсом лекций о новом, открытом древнем языке. Ему казалось, что большинство студентов слишком молоды и несерьезны для того, чтобы заниматься этим необходимейшим предметом. Сам Фениксов – мужчина лет тридцати, сухощавый, серьезный, холостой, принадлежащий науке. Аудитория же на его лекциях принадлежала самой себе. С первой же лекции Фениксов выбрал среди физиономий, казавшихся ему безразличными и беззаботными, одно строгое, вдумчивое лицо и стал читать после этого, глядя на это лицо и обращаясь только к нему. Студент Потехин в свою очередь каждую лекцию не сводил глаз с преподавателя. Если случалось, что Потехина на занятиях не оказывалось, Фениксов беспокойным и подозрительным взглядом скользил по рядам и, сбиваясь и нервничая, всю лекцию читал, обращаясь к проходу между скамейками. Но Потехин ходил на его лекции часто, и Фениксов говорил о нем много хорошего там, где распределяются стипендии и назревают скандалы.

– Что ни говорите, на первом курсе, по-моему, разболтанный народ. Шуточки, невнимание... и, знаете, даже неуважение к предмету и преподавателю, а я, знаете, за это буду карать... Представьте себе, я вижу там одно только внимательное лицо. Сразу видно – серьезный товарищ. На него даже приятно посмотреть. Чувствуется настоящая пытливость, уважение... Уважение совершенно необходимо. Вот он – настоящий студент. Я говорю о Потехине. До сессии было еще далеко, и Фениксов долго бы оставался при этом мнении, если бы не один досадный недостаток Потехина. Студент Потехин был рассеян. Он обладал уникальной способностью, занимаясь одним делом, думать о другом. Так, покупая папиросы, он думал о том, что надо бросить курить, или, отвечая на зачете, соображал о дне и часе пересдачи того же зачета. По рассеянности он, например, всю зиму проходил в осеннем пальто и «забывал» иногда пообедать. Раз после лекции Фениксова, на которой преподаватель и студент вдоволь налюбовались друг другом, Потехин, чувствуя, что аппетит превозмогает в нем рассеянность, направился в студенческую столовую. В столовой с подносом в руках туда-сюда сновали молодые самообслуживатели. Потехин накрыл стол, безотчетно склоняясь при этом к вегетарианству и думая о том, что этот обед неизбежно повлечет за собой ужин. Минуты две он ждал у маленького окошка тарелку с хлебом, потом получил ее и в задумчивости уселся... за чужой стол. Даже наметанный глаз старого экзаменатора, принимавшего экзамены в разные времена и при разных освещениях, мог бы спутать эти два стола. Одинаковые, с ровным количеством блюд. Накрытые на одну персону и одинаково сервированные, эти столы отличались только тем, что должно быть съедено. Таким образом, студенту Потехину представилась возможность познакомиться со вкусом преподавателя Фениксова, к чему он без промедления приступил. Сам Фениксов с недоумением остановился за спиной Потехина, чуть не выпустив из рук свою тарелку с

хлебом. К Потехину между тем подсел знакомый студент с другого факультета – высокий, длинноволосый пижон из тех, которые лазают через решетку в сад пить пиво. Фениксов ушел бы, если бы между приятелями вдруг не начался разговор, который до того ошеломил Фениксова, что он машинально опустил на ближний стул. Разговор был о нем, и не было на свете сил, которые могли бы помешать ему все выслушать. Чтобы это не слишком походило на подслушивание, Фениксов взял ложку и стал хлебать потехинские щи.

– ...Понимаешь, с первой же лекции уставился на меня, – говорил Потехин, – и так все время. А у меня, ты знаешь, привычка смотреть в одну точку...

– У меня тоже, – признался приятель.

– Ну так я на него и глазею. Не слушаю, конечно, а так, пыль в глаза пустить...

Как-никак в мою зачетку требуется его автограф... Фениксов чуть не поперхнулся. Щи, которые заказал студент, пришлись ему не по вкусу. Они отдавали очковтирательством.

– Он читает такую чепуху, – продолжал Потехин, не замечая того, что шницель немного пережарен. – «Рцы черноокая, любишь ли мя?..» Смех! Кому это надо? Вся эта наука состоит из примечаний и оговорок. Это, дескать, еще не окончательно так, еще может быть и по-другому, я, дескать, еще об этом парочку томов состряпаю. А о чем? Мелочь какая-нибудь, чепуха!.. Фениксов побагровел, но продолжал заниматься жареными макаронами. «Немыслимо! – думал он. – Какой нахал! Ест мой обед и говорит такие вещи. Подожди...»

– А вот же – надо сдавать, – вздохнул Потехин, – взял я у девчонок лекции, читаю сорок раз по одному месту – ничего не понимаю. Он сам тоже ни черта не понимает. У Фениксова потемнело в глазах, он залпом выпил стакан чая и вскочил со стула... Следующие лекции он читал, потупив взор в свои конспекты. Он целиком принадлежал науке.